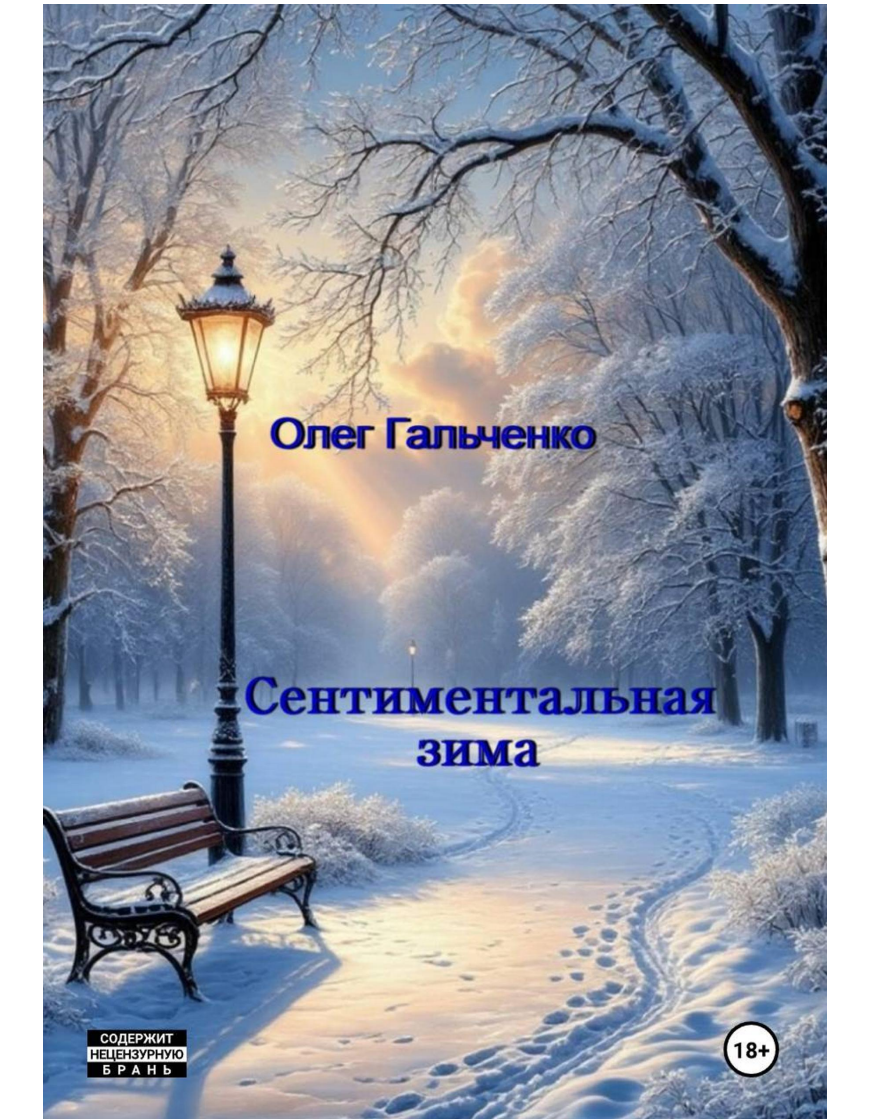

Олег Гальченко

Сентиментальная
зима

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Олег Гальченко

Сентиментальная зима

<https://litres.ru/74335342>

SelfPub; 2026

Аннотация

В книгу петрозаводского поэта Олега Гальченко вошли поэмы и концептуальные циклы стихов, написанные в последние тридцать лет. В своём творчестве автор парадоксальным образом совмещает доверительную интонацию и игру с разными жанрами, стилями, поэтическими традициями и свою любовь. Элементы рок-поэзии и эксперименты с восточными мотивами, классически строгая любовная лирика и стилизации под советский городской фольклор, отсылки к наследию серебряного века и попытки заглянуть в будущее, мирно уживаются во вселенной одного стихотворца, помогая ему разговаривать с читателем и на социально значимые, и на глубоко личные темы. Герой большинства поэм – прежде всего человек, ищущий себя, своё призвание, своё место в мировой истории.

Содержание

1.ПРОЛОГ	36
8.КИРОВ	49
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Олег Гальченко

Сентиментальная зима

ОТ АВТОРА

Честно говоря, я не очень-то люблю крупные формы в поэзии. Ритмы современной жизни не оставляют нам времени на чтение длинных текстов, а уж осмыслить их и сделать для себя какие-нибудь полезные выводы вообще некогда. Поэтому, даже если какой-нибудь гений создаст новую «Илиаду» или «Одиссею», к нему, скорее всего, никто не прислушается. Да и вообще, выражать мысли лучше всего чётко и лаконично, не отвлекаясь на посторонние детали и экономя бумагу. Только так можно надеяться, что ты создашь хотя бы пару достойных строчек, которые останутся после тебя.

И всё-таки к жанру поэмы я в разные периоды своей жизни обращался столько раз, что из длинных многочастных произведений можно составить отдельный сборник. Происходило это, как правило, в переломные моменты либо моей личной судьбы, либо истории страны, когда необходимо было объяснить хотя бы себе самому, что происходит и что с этим делать дальше. Тут уж парой-тройкой четверостиший не обойдёшься! Зато, выговорившись вволю, можно жить дальше – может быть, и не очень-то счастливо, но хотя бы с лёгкой душой.

Хочу надеяться, что и читатель, наверняка отягощённый

какими-то проблемами и сомнениями, найдёт на этих страницах нужные именно в данный момент слова – не в утешение, так хотя бы в поддержку. Вспомним вместе, через что нам пришлось когда-то пройти, поразмышляем над днём сегодняшним, и само собой станет ясно, как нам быть завтра!

БОЖИЙ СУД

1

Вечер качает меня
на короткой волне,
это – молчания знак,
и он вечно со мной.
В полночь исчезнет
последняя тень на стене,
в полночь я буду укутан
своей тишиной.

И будет безумно печален
кровавый рассвет,
и будет ещё один день,
или множество дней,
и вновь не очнётся от спячки
последний поэт,
а старый художник
растопчет портреты друзей.

Мы верили в свежие ветры
больших перемен,
но вам перемены —
трагической пьесы пролог.
Театр уже полон —
и песней надорванных вен
грянул последний,
самый последний звонок.

И будет безумно печален
кровавый рассвет,
и будет ещё один день,
или множество дней,
и вновь задохнётся на взлёте
последний поэт,
а старый художник
уже не поднимет кистей.

Мы слепнем от снега,
мы сходим с ума от жары.
В отравленном сумраке
светоч надежды погас.
Давно позабыты
правила нашей игры,
а мы себе жаждем
кумира найти хоть на час.

И будет кровавый рассвет –
как команда: "Вперёд!"

И будет земные срока
новый день отбывать.

а юный поэт

над сожжённой поэмой умрёт,

а старый художник

поедет его отпевать...

2

Я болен.

Не лгите мне, доктор – я болен.

Я болен уж тем,

что себе подневолен.

Вот именно – "под"!

Чтобы "над" – нет, не волен!

Я болен.

Не лгите мне, доктор – я болен.

Я ранен.

Смертельно, мучительно ранен,

быть может –

случайно услышанной бранью,

привычной для всех

повседневною дрянью

я ранен – смертельно, мучительно ранен.

В министры хотел –
угодил в менестрели,
всё время при деле –
и нерв на пределе.
Учил по складам
буквари многоточий –
лил слёзы чернил
над бумажною ночью.

Хотелось узнать –
под запретом ответы,
хотелось плясать –
только зябко раздетым,
хотелось сонетов
в классическом штиле –
на бал с корабля
никого не пустили.

Прологи мои
перешли в эпилоги,
а скатертью
только к острогу дороги.
Живу в атмосфере
душевного лада.
Мой адрес: О.Г.

Там найдут, если надо.

3

Две недели, две недели
всё ветра, ветра звенели,
две недели, две недели,
долгие, как век.

А потом вдруг налетели
две холодные метели,
и, столкнувшись в поднебесье,
уронили снег.

Две недели, две недели
догорали – не сгорели,
две недели, две недели –
осенью весна.

Было звонко и просторно,
словно в месяце апреле,
но ковром порасстелилась
всюду тишина.

Две недели, две недели –
дни дождливой канители,
две недели – как эпитафия
будущей зимы.

И подумать мы не смели,
и осмыслить не успели,

что уже не существует
это слово – "МЫ"...

4

Не беда,
коль без рыбок златых невода,
но беда,
если в "нет" превращается "да".
Ерунда,
если вечер зовёт в никуда,
но всегда
будет казнь твоя без суда.

Лет до ста
жить, ни разу не вспомнив
Христа!
Пустота
его с плачем не снимет с креста.
Нагадай,
что-нибудь нагадай на года!...
Не беда,
коль без рыбок златых невода...

5

В россыпях мыслей ночных
не найти середины.
Мир бесконечен,
и в каждой из точек – ответ.

Я в этот вечер учился,
как наполовину
воспринимать
боль украденных кем-то побед.

Не научился.
Со всем насовсем примирился.
Ветер уносит
обрывки черновика.
Я покорился, затих,
навсегда затаился.
Ночь и тоска.
Ночь на миг, а тоска – на века.

Счастья вам, спящие!
Пусть ваши сны будут "в руку"!
Пусть день любой
будет вашей надеждой согрет!
Завтра отправлюсь
к пока неизвестному другу
продиктовать
сохранения жизни секрет...

6

Тебя глотает
ненасытный город.
Ты, не дрожа, шагаешь в эту пасть.

Огромный город.
Город тот, который
дарить умеет
и умеет красть.

Плывут в толпе
озлобленные лица,
и что-то чертят
тени на снегу.
Тебе опять придётся
раствориться
среди людей, живущих на бегу.

Глядят надменно
яркие неоны.
Знакома схема,
ясная до дна:
непросто быть
одной из миллионов,
когда ты среди них
совсем одна.

Чужих квартир
недолговечна пристань.
Ученье – свет,
но сколько надо сжечь!

А выходные пролетают быстро,
длинною в жизнь
неделя будет течь,

и надо возвращаться
в этот город,
и я прошу молитвенно его:
"Дай руку ей!
Сними с дверей запоры!
Не раздави
живое существо!"

7

Напиши, напиши
из своей из глуши,
чем-нибудь рассмеши,
чем-нибудь оглуши.
От письма до письма
снова мерю я жизнь.
Напиши, напиши
из своей из глуши.

Напиши, напиши
из далёкой глуши.
Светом новых надежд
озари – окружи,
Новый путь, трудный путь

подари, укажи.
Напиши, напиши
из далёкой глуши.

Напиши, напиши
из карельской глуши.
Нужен каждому Бог
в мире грязи и лжи.
Да, не первая ты –
но в былом миражи!
Напиши, напиши
из карельской глуши.

В эту ночь
я, наверное, встречу рассвет.
в эту ночь
я Тебе сочиняю ответ.
Это долгое эхо
несётся в тиши:
"Напиши!
Умоляю тебя – напиши!"

8

Я забуду,
чему меня прежде учили,
не уверую в магию
чисел и дат.

Все грехи мы на волю
давно отпустили,
и молись – не молись,
всё равно будет ад.

Разбрелось по дорогам
моё поколение,
по стране разорённых
несжатых полос.
Нынче – тихий парад.
Наши души как тени.
Бег на месте – как кросс.
Новый день – под откос.

Опускается дым
на надрывные струны,
а заказывать музыку
будет судьба.
Время петь о цветах
беззащитных и юных –
ну, хотя б до того
верстового столба!

Расскажи мне о том,
что понять не успею,
может быть –

о религии этой земной,
что вошла и сожгла,
никого не жалея,
и другие религии
ставя виной.

Расскажи обо мне.
Твоё слово не вещим
быть не может,
пока не рыдает февраль.
Резани – разверни
побольнее, похлеще!
Пусть за глотку берёт
эта струнная сталь!

Мы ворвёмся на край
слишком старого света,
сине небо удержит
и души, и плоть.
Со страниц неизвестно какого
Завета,
нам навстречу, зевая,
сойдёт сам Господь.

"Не на веру святую извёл, человече,
век ты свой!

К мукам страшным себя приготовь!"

"Нет, я верил! –

его перебив, я отвечу, –

Верил в Музыку, в Слово,

но больше – в любовь!"

1989 – 1990гг.

СЕНТИМЕНТАЛЬНАЯ ЗИМА

Трудно жить с людьми,

ибо трудно хранить молчание.

Ф. Ницше

1

Все краски смешаны с золой.

Размыты мысли, тусклы речи.

За ночью вновь приходит вечер,

швыряя мглу, за слоем слой.

Сентиментальная зима

уже справляет новоселье,

и как монашеские кельи

темны угрюмые дома.

Мы одиноки, мы больны,

и холод комы снежным комом

скользит по прежде невесомым

штрихам – и выцветают сны.

Почти на Млечный Путь легла
метель предчувствия развязки.
Про воскресенье старой сказки
шуршит
горячая зола.

2

Я обречён на одиночество
пока дышу, пока живу,
но к творчеству и лжепророчества
и злопророчества зову.

Пороками отягощённые,
вам тесен боли материк!
Пройдёте вы, непосвящённые
над ночью, стоптанною в крик.

Пустой каприз перерождения –
теперь едва заметный шрам.
Вхожу в покои отчуждения
и улыбаюсь зеркалам.

3

Возлюбите себя, если некому вас
возлюбить –
лучше Дьяволу свечка, чем Богу – лохмотья изгоя.
В белом ветре не стоит ни стога,

ни скорби топить —
капля светлой надежды когда-нибудь станет
рекою.

Ложь свята, если память
на кончике нерва дрожит,
если мутные сны
обнажают оскалы кошмара.
Будет пасмурный сумрак отныне
огнями расшит,
освещаая дорогу
нырнувшего в небо Икара.

Опалённые жёлтой звездой,
принявшие бой,
без следа уходящие в глянец
недвижимой Леты!
Обретите гармонию
только с самими собой —
окружающий мир
вслед за вами изменит приметы.

4

Под речи вождей-уркаганов
с кривою усмешкой у рта
свобода приходит с наганом,
-чтоб выцедить: "Всё — суета!"

В развалах бумажного хлама
гнилое былое найдёт –
уронит
тепло да упрямо:
"Не бойся! И это пройдёт!"

А после – уже нараспашку,
забыв лозунговую бредь,
любую земную букашку
готова в ладонях согреть.

В трущобах сырой непогоды
плутает судьбы круговерть.
Но это уже не свобода,
но это – как минимум смерть.

5

С библейского тома сошла позолота,
расплавился чопорный контур креста.
Картонка истёртого в пыль переплёта
теперь беспристрастно чиста и проста.

Нас пробует время
на вкус и на ощупь,
мы запросто путаем запах и цвет.
Слова стали суше, желания – проще,

но в самодовлении святости нет.

6

Государь Новый Год!

Среброкрылая полночь,

бой старинных курантов над вечной страной

ожиданием чуда отчаянно полнят,

разливаясь по венам горячей волной.

В первый миг января озорной и внезапный

кто-то в небе зажёт изумрудный маяк,

чтобы вырвать у тьмы

недоступное Завтра,

о котором ему нашептал Зодиак.

Припорошено прошлое искристо-бойкой
кисеёй

и расцвечено льдистой фольгой.

Государь Новый Год пролетает на тройке,

заливается новая жизнь

под дугой...

7

Вчера казалось, будто волшебство

вкруг фонарей водило хороводы...

А кто-то под чужое торжество

искал пустячный повод

для исхода,

корпел, шаманил,
выбившись из сил,
ловил строкой остатки кислорода
и сорванными связками саднил,
что были годы
солнечной погоды.

Слыл самоистязателем
в миру,
не зная ни себе, ни миру меры,
рабам и господам не ко двору,
апологет
кровоточащей веры.

В удушьё туч мучительно стучу,
сочится с губ: "Тепла!...

Пространства!...

Воли!

...По чьим счетам плачу?!...

Чей плач топчу?!..."

А слышно только:

"Господи, доколе?..."

8

И всё же двадцать три –
ещё не вечер.

В тираж не выйдешь, не войдя в зенит.
В калечной бронзе не увековечен,
скандалами – и то не знаменит.

Бог миловал – ни суетно, ни звёздно,
мечте простор,
и некуда спешить.
Уже не рано,
но ещё не поздно
все первые ошибки совершить.

Пока не время подводить итоги.
Истоки жажду жизни утолят.
Лишь черепки
отживших мифологий,
под каблуками хрустнув,
заболят.

9

Январь. Затишливый сезон.
Исчезнуть,
сгинуть, раствориться,
а может – просто научиться
звучать
с бедою в унисон.

Колонки выдохнут орган,
овеют нежною прохладой.
Спадёт завеса снегопада,
слизнув похмелье старых ран.

В комок упругой тишины
сжимая судорожно тело,
плыву из были чёрно-белой
туда, где слёзы не видны –
в свои безоблачные сны...

1 декабря 1993 г. – 6 января 1994 г.

РУССКАЯ СЮИТА

От музыки до слов дорога коротка –
Лишь несколько шагов. И всё-таки пока
Не пройдена она, не сразу разберёшь
Где звук и тишина, где истина и ложь.

Без музыки слова – лишь уличная брань.
Разборчива едва, но сердца не порань
Об острые края, о камень и бетон,
О чужеродных «я», чьё имя – легион!

А музыка без слов – что чувство без ума.
Без дна и берегов – прозрачна и нема
Отчаянно течёт прорехами границ
По звону вешних вод и крику летних птиц.

Но лишь в одной стране, где только слово – бог,
Пришедшее извне не пустят на порог,

Покуда на покой кружочков чёрных нот
Кириллицы строкой поэт не посягнёт.

И эхо задрожит, не попадая в такт,
и сгинут миражи под бодрое «тик-так».
Здесь нечем дорожить – ведь завтра Страшный Суд.
Эх, так бы русским жить, как русские поют!

Но, кто б ни говорил, секреты неясны
И магии чернил, и магии струны.
Услышал зов – спеши нехоженой тропой!
Коль пишется – пиши, а коль поётся – пой!
май 2014г.

В краю, Ордою не обиженном,
Корнями сросшимся с Европою,
Назло всему былина выжила.
Она ушла лесными тропами
Туда, где истина сермяжная
На грош фальшивый не разменена,
И где звучит родным для каждого
Святое имя Вайнемейнена,
Туда, где сберегут до времени
И завещают понадёжнее,
Чтоб память рода, память племени
Река времён не смыла в прошлое.

И приютили, и украсили
Распевным северным речением,
Делили горе с ней и праздники,
Не придавая ей значения
Произведения великого.
Скорее видели дарёною
Семейной маленькой реликвией
От тёмных сил заговорённую.
Эх, кем бы были, что б любили мы,
На языке каком бы мыслили
Без Федосовой да Рябининых?
И что считали бы отчизною?
А так из первобытной древности
Нам в завтра светлое, безбедное
В себе не только грозный гнев нести,
А слово наше заповедное.
И постоять за дело правое
Спешат, позвякивая латами,
Богатыри – герои brave,
Руси хранители крылатые!
2016г.

ГУСЛЯРЫ

1

На Руси гусяров не густо.
Сказка – ложь, но печальна была:

Сиротливо немые гусли
Собирают в музеях пыль.

Нет альбомов Садко в продаже
И великий Боян сейчас
В пересказе цветистом даже
Не воскреснет уже для нас.

И на древних каких погостах
Обретали покой они,
Доискаться теперь непросто.
Время, музыку нам верни!

Чтобы с детским восторгом слушать —
Как по звонкой идти росе,
Чтобы бардов забытых души
Нам явились во всей красе.

Чтобы пыльные те дороги,
По которым они брели,
Нам бы тоже легли под ноги,
Увлекая за край земли.

2

Всё вы помните, чудо-струны!
И безбрежный крошечный ад.
Над страной беззащитно-юной,

Задыхаясь, рыдал набат.

Ветры гнали пожаров пепел
Под копыта коней чужих
И тревожно дрожали степи
От беды, затопившей их.

Но быстрее стрелы летела,
Души грея, благая весть,
Что берётся Илья за дело,
Что Добрыня на свете есть,

Что ещё не иссякли силы,
Что подмога давно в пути.
Всё, что свято и всё, что мило
Мы успеем ещё спасти!

Будет пир и по кругу чаша!
Хлынет праздник из всех ворот.
Мы восславим победу нашу
И потешим честной народ.

Приуныли? А ну-ка спляшем,
Супостатам за муки мстя!
Мы услышаны будем даже
Целых тысячу лет спустя!

Чтоб, когда напоззут потёмки
И настанут лихие дни,
Гусли пели бы для потомков...
Чудо-музыка, их храни!
Апрель 2015г.

ОДА ЛОЖКЕ

Голь на выдумку хитра
В горе да в болезни.
Жрать не дали ни хера —
Значит, время песне!
И урчанье живота
Русский легендарный
Заглушал легко всегда
Инструмент ударный.

Подыхай, моя тоска!
Ложкою весёлой
Выбьет ловкая рука
Яростное соло,
Разухабистый куплет
Сдабривая солью.
На столе ни крошки нет —
Широко застолье!

Не мудрен предмет – а вот
Так сыграет тоже,
Что порою проберёт
Холодок по коже.
Это вам, ядрёна мать,
По плечу немногим!
Не баяном щи хлебать,
Свесив с печки ноги!..

Песня-шутка намекнёт,
Что при всякой власти
Не сожрать такой народ
Никакой напасти.
Из тупого топора
Не заварим каши –
Но когда придёт пора,
По лбу ложкой вмажем!
13 марта 2014г.

ОДИНОКИЙ ГАРМОНИСТ

Била тополя немая дрожь,
Фонари мерцали водянисто,
По щекам катился мелкий дождь,
Обжигая пальцы гармониста.

Раздвигал он медленно меха,
Словно разбудить боясь кого-то.
Улица пуста, судьба лиха,
Но прозрачно эхо каждой ноты.

Не светило ни одно окно
В неуютной Солнечной системе.
Было абсолютно всё равно
Спящим и неспящим в это время.

Хулиган ли, просто идиот
Вдоль садов, устало ждущих осень,
С головой понурою идёт.
Лишь бы не шумел, когда не просят.

Ну, а он прощался с городком,
Где с любой травинкой сросся вроде,
Каждый закоулочек знаком,
А дороги все домой приводят,

И с любовью тайною своей
Глупой, безнадёжною, давнишней.
Поздно горевать уже о ней
То ли третьим, то ли сотым лишним.

Застучат по рельсам поезда.
Заскучает человек в вагоне,
Увозя с собою навсегда
Голос им не преданной гармонии.

И пускай никак она ему
Всю тоску по дому не залечит.
На чужбине больно одному,
Но с гармонью чуточку полегче!..
Апрель 2015г.

СОЛО ДЛЯ БАЛАЛАЙКИ

Балалайка, балалайка! Три струны – судьба одна!
По натуре не зазнайка, знает многое она.
И в тягучий зимний вечер заливается, пока
Заниматься больше нечем,
развлекая старика.
В деревеньке запустелой непримятый снег лежит.
И кому какое дело, почему струна дрожит,
Что за исповедь простая улетает к небесам
И в косматых тучах тает. А старик не верит сам,
Что столетие осталось незаметно за спиной.
Чтобы время короталось до отъезда в мир иной,
Балалайка, балалайка, всё доверю я тебе!
Ты одна теперь хозяйка в покосившейся избе!

А ты помнишь, как когда-то, переливчато звеня,
Провожала ты в солдаты непутёвого меня,
Как орали новобранцы песни бодрые взхлёб
И грозили всем германцам продырявить пулей лоб?
Но была дорога горькой до родных далёких мест,
И кому на грудь Георгий, а кому на холмик – крест.
Ни живым, ни мертвым слава! В землю штык - и все дела!
Ну и где теперь держава, что на подвиги звала?
В клубе сельском отмечали красный день календаря,
Речи звонкие звучали, лютой злобою горя.
Я же, сдуру или спьяну, балалайку теребя,
Спел из Бедного Демьяна и немного от себя –
Мол, гляди, товарищ Сталин, как нам весело до слёз!..
Так «десятку» мне впаяли за частушку про колхоз!..
Чудеса изобретают наши лучшие умы:
Рубим лес – и долетают щепки аж до Колымы...
Время всё возьмёт, ребята, и расставит по местам!
Много лет в земле усатый. Жаль – старуха тоже там,
Что и с той войны, и с этой, и из лагеря ждала,
Все со мной делила беды – да себя не сберегла.
Ничего, придёт минутка – не пешком, не кувырком,
А в какой-нибудь попутке к ней помчимся с ветерком.
Лишь одно пойди, узнай-ка здесь, у жизни на краю:
В рай-то пустят с балалайкой? Как без музыки в раю?!
Коль нельзя – то там, быть может, как и тут нехорошо.
Что же! Сердце растревожу и спою. На посошок!..

Апрель 2015 г.

Тот человек, который первым вышел
На берега Онего в ранний час,
Воспринял тишину как голос свыше
И красоту, насколько хватит глаз,
Впитал и растворился в ней всецело,
А розовая нежная заря
Аккордом еле слышном зазвенела
В дремучем, грубом сердце дикаря.
Шушукались таинственные сосны,
Сметая без особого труда
Остатки мутноватой пыли звёздной
С холодной синей глади в никуда.
Полкосмоса у самых ног лежало,
Всё было там – и страх, и благодать,
И не хватало только слов, пожалуй,
Чтоб это всё с любовью передать.
На свежий пенёк устало сел прохожий,
Не выпуская кантеле из рук.
Кусок ольхи вполне обычной ожил
И с нитей струн сорвался первый звук,
Чтоб одинокой каплей кануть в воду.
Второй родился, вслед за ним спеша.
С ним выпорхнула птицей на свободу
Карелии поющая душа.

А третий стал далёким отголоском
Всех рун, еще не сложенных пока.
Кипели в нём – негромком и неброском
Грядущие тревожные века,
И вера в то, что живы мы, покуда
Способны излучать и видеть свет,
Что только от любви возможно чудо.
Мир – песня о любви. А смерти нет!
Апрель 2015г.

ДВЕНАДЦАТЬ ПЛЮС

«Им бы, каменным, человеченки!»

А.Галич

1.ПРОЛОГ

Ливень вял, ленив, тягуч.
Под подошвой серых туч
Серый город стар и сед.
Хрипло кашляет в ответ
Всем посланиям небес,
Набирая лишний вес,
Смачно чавкает во сне
При надкусанной луне.

Звонок, яростен и груб
Голос водосточных труб,
Неразборчивы слова.
От похмелья голова
У фасадов тяжела.
В ней звенят колокола,
Но вне доступа опять
Тот, кто трубку должен взять.

Это длится сотню лет.
В лужах зыбкий, серый цвет.
Полусвет и полужвук
Щедры разлиты вокруг.
И топчет без конца

Кто-то серый без лица
По неведомым делам
Мимо окон и реклам.

Ветер месит рваный хлам
По нехоженным углам.
И грустят на площадях
Навевающие страх
Истуканы-мертвецы,
Что глядят во все концы,
Тыча пальцем в серый бред.
Пусто. Будущего нет.

2. ИДОЛЫ ГОРОДА

Они тут – самые живые,
Поскольку памятью полны.
Не смоют капли дождевые
Ни их триумфа, ни вины.
Они не знают чувства долга,
Им непонятна наша речь.
Они пришли сюда надолго
Стоять и прошлое стеречь
От любопытных и дотошных,
Взирая злобно из засад,
На одноклеточный и пошлый
Мирок, спешащий наугад

Из мифа в миф, из притчи – в притчу,
Из анекдота в анекдот,
Где быть великим неприлично,
А быть звездой - наоборот.
Придёт приказ – они воскреснут.
И вздрогнут жалкие враги,
Когда в ночи затворы треснут
И загрохочут сапоги.
И будет ад во всей вселенной,
Пожар и казни без суда
Для плоти бренной, плоти тленной,
Но для бессмертных – никогда.
Ну, а пока – тусуйся, плесень!
Клади цветы на пьедестал!
Пока мы в жизнь твою не лезем
И час расплаты не настал,
Познай удачи и печали,
Насколько сможешь унести!
А мы пошепчемся ночами
О нашем пройденном пути...

3. АЛЕКСАНДР НЕВСКИЙ

Летописцы не знают, кто грешен, кто свят,
Но расскажут, согласно канону,
Вам набор приблизительных фактов и дат,
Что ни фраза – то список с иконы.

Очевидцы на свете недолго живут,
Голоса их обычно негромки.
Их к ответу в суде никого не зовут,
И бесстыдно наивны потомки.

Кем он был? И каким он в реальности был?
Чем делился с друзьями своими?
Что любил? Мир об этом давно позабыл,
А на память оставил лишь имя.

Но не то, как с народом своим воевал –
Нам же любы любые тираны,
Но не то, как свободой Руси торговал,
Навещая ордынского хана.

Но зато приграничную стычку одну
Из десятков таких же похожих
И толпу крестоносцев, идущих ко дну,
Мы забыть, несомненно, не сможем.

Как и тот афоризм, что не здесь изречён
И в закон превратится не сразу:
«Кто к нам в гости придёт с обнажённым мечом,
От меча и погибнуть обязан!»

И не важно, что это — всего лишь кино,
Да ещё нецветное к тому же.
Нынче мёртвому князю уже всё равно,
Что он нам настоящий не нужен.

Жить без мифов, на трезвую голову здесь —
Всё равно, что родиться без кожи.
Вся история — будто дурная болезнь.
И лечить её правдой негоже!..

4. ПЕТР ВЕЛИКИЙ

Гром победы, раздавайся!
Встрепенись, ленивый росс!
К ритму марша приучайся!
При себе оставь вопрос,
Как догонишь ты карету
Европейскую пешком,
Коль в кармане ни монеты
И камзол висит мешком,
Если давит треуголка
На лукавые мозги?
Никакого, братцы, толку!
Но... погнали — и беги!
Не впервой! Какой ни барин
Ездит на горбу твоём,
Немец или же татарин —

Дело кончится битьём
До кровавых слёз, до рвоты,
И не в этом грусть-тоска.
Дело кончится работой
Той, что любит дурака!
Чтобы крепили год от года
В дыме, грохоте, огнях
И столица на болотах,
И заводы на камнях.
На костях. На поле диком.
Второпях, конечно, но
Здесь иначе о великом
И мечтать не суждено.
Хоть раба руби в капусту,
Хоть пусти на колбасу,
Весь его талант – искусство
Ковыряния в носу.
Где вы были? Чем залили
Утром мутные глаза?!
А соседи мир делили,
Поднимая паруса!
Было вам от смуты жарко,
В хилом теле – хилый дух?!
А соседи всё Петрарку
Декламировали вслух!..
И пускай потомки строго

Спросят с буйного Петра!
Осударева Дорога –
Нам попутные ветра!
И ничуть уже не жалко
Всех, ушедших налегке.
Наша сила – только палка
В твёрдой царственной руке!..

5. ПУШКИН

Для отечества каждый немного пророк –
Это дело для нас нехитро!
Но придётся платить непосильный оброк
Всем, кто в раны макает перо,

Тем, кому не хватает обычных чернил
И банальных, заезженных слов,
Кто себя сохранил, головы не склонил
И ответить за это готов.

Даже если с царями дано говорить
И блистать на дворцовых балах,
И сердца всех красавиц Земли покорить,
Суть не в суетных этих делах,

Не в чинах, не в чудачествах – тех, что не счесть
У любого, живущего тут,

А в строке, пробуждающей совесть и честь,
Хоть на пару коротких минут.

Откровения страшны и слишком грубы.
Не поэтам народы пасти!
А архангела губы коснулись трубы –
От расплаты уже не уйти!

И уже не сказать беспощадное «нет»
Ни грядущей войне, ни чуме.
Со старинных портретов смеётся поэт
Над страной, заплутавшей во тьме.

Но они среди нас не напрасно гостят.
Ведь страницы пронзительных книг
Проклянут одного, а другого простят,
А кому-то развяжут язык.

И, пока не взведён пистолетный курок
И не рухнула в бездну душа,
Хоть один, да имеется в мире пророк,
И судьба у него хороша!

6.МАРКС И ЭНГЕЛЬС

- Donner wetter! Что за холод

В этом варварском краю!
Я под ветром словно голый!
Весь простуженный стою!
А России горя мало.
Ведь давно уже прочла
Фолианты «Капитала»
И как надо поняла.
- Карл, да так ли было надо?!
И прочла ли до конца –
Привечающая гада,
И шута, и подлеца,
Но гноющая в застенках
Непокорные умы...
А народу ближе Стенька
Да Емелька – но не мы.
Здесь не выйдет по науке!
Оклемался поутру
Пролетарий – сразу руки
Потянулись к топору!
- Ну, а призрак коммунизма?
- Верь – не верь прекрасным снам,
Этот дух был нами вызван
И являлся только нам,
Чтобы мог любой бездельник
С работягой наравне
Сладко есть и пить без денег

И счастливым быть вполне.

- Не пойму я, Фридрих, что-то:

Мы всех лихо развели

Или нас, как идиотов?

- Мы – умы, они – ноли!

И когда мы им сулили

Царство вольного труда,

Мы себя на ноль делили.

Получилась ерунда...

- Ну, а мы чему не рады?

Да, славяне снова всем

Показали, как не надо

Избавляться от проблем.

Но, трагедии и фарсы

Все предвидя наперёд,

Мир по Энгельсу и Марксу

Уж не первый год живёт!

Жалко местных! Всё же люди!..

- Или кажутся людьми?!

Карл, да то ли ещё будет!..

- Ну и холод, чёрт возьми!..

7. ЛЕНИН

Тяжела ты, бронзовая кепка,

А ночные мысли тяжелей!

И в бетоне ноги вязнут крепко...

Стой, гляди, молчи и не жалея
О судьбе, которая досталась,
О любви, что голову снесла
И о том, что слишком рано старость
Раненое тело догнала!

А душа... Она – всегда потёмки,
А точнее – чёрная дыра.
В Мавзолее видели потомки
То, что схоронить давно пора.
Ну, а те, кто тушку потрошили,
Мумию готовя на показ,
Так спешили – было до души ли,
Если свыше срочный дан приказ?
Что ж, а мы подумаем о многом!..
Было ли хоть что-нибудь не зря?
Стоило ли так бодаться с богом
И на кой подсиживать царя?
Чтобы стать монархом и иконой,
Кладезем беспомощных мощей,
И творцом драконовских законов –
Мрачным и бессмертным, как Кашей?
Стоило ли спорить о свободе,
Чтобы не сбылось, не прижилось?
И на «философском пароходе»
Для тебя каюты не нашлось,
И тома твои в библиотеке –

Кто припомнит, сколько было их? –
Были похоронены навеки,
Не найдя читателей своих!..
«Ленин с нами!» С кем, простите, «с ними»?
Даже люд забитый трудовой
Нынче если вспомнит – только имя,
Да и то с ухмылкой кривой.
А борцам, которым партбилеты
Греют беспокойные сердца,
До тебя и вовсе дела нету,
Как попам – до правды их творца.
Ленин жил? Да, правда – было дело!
Ленин жив: Да разве ж это жизнь?!
Столько гроз на свете прогремело,
Столько бурь – попробуй, удержишь
На таком непрочном пьедестале,
Как Земля, которой всё равно,
Троцкий твой наследник или Сталин.
Брода нет – и все идём на дно!
Лучше бы работал адвокатом
В захолустном пыльном городке,
Жил бы тихо, скучно, небогато
От больших событий вдалеке.
Но метельным утром как-то рано
В двери постучат наверняка
Звонкой ручкой нагана

Упыри из местного ЧК.
И лежит безвестный бедолага,
Примерзая к насту и тоске,
На краю зловонного оврага
С дырочкою круглою в башке!
А в Кремле, не зная сна и лени,
Над столом склонившийся чуть свет,
Кто-нибудь другой – но тоже Ленин,
Сочиняет новенький декрет,
И, поставив подпись торопливо,
Грезит, сам не ведая о чём...
Жертвой быть, наверное, красиво,
Но спокойней как-то - палачом...

8.КИРОВ

Благословим эпоху перемен,
Когда, скрипя, ломаются устои,
Иллюзий плен, руины старых стен...
В иные времена и жить не стоит!

Кто был ничем, тот вряд ли станет всем,
Но кем-нибудь совсем не лишним будет.
Благословим крушение систем,
В которых тесно энергичным людям!

Ещё был тот у них ученья свет
И долг путь до самых низких истин.
Но то, что никакого бога нет,
Порой ясней всего семинаристу,

Плеханов или Ленин – всё равно,
Кто вдохновил тебя на бой кровавый.
Всё решено и всё предрешено.
Бесправные на месть имеют право.

За грязный и приземистый барак,
Где сквозняки навеивали думы
О том, кто в этой жизни друг и враг

Голодному подростку из Уржума.

За окрики жандармов за спиной,
За цензором убитую заметку,
Кандальный перезвон и мрак ночной,
И небо, разлинеенное в клетку.

Те две Руси, которые вовек
Друг друга не поймут и не услышат,
Однажды в ад задумали побег,
Но и в беде ничуть не стали ближе.

И храмы купола роняли в грязь,
И вороньё жирело и наглело,
И времена, теряя суть и связь,
Тянулись от расстрела до расстрела.

Двадцатый век поднявши на штыки,
За светлую утопию порою
Умели умирать большевики,
Но нет у революции героев.

Есть пушечное мясо у неё,
Свинца и стали щедрые запасы.
Она подарит каждому своё –
И своего никто не знает часа.

Завидуйте, кто славой обделён,
Кому чинов случайно недодали!
Не в собственной постели умер он,
Но всё-таки на воле, не в опале!

И как своею смертью угодил
Вождю, хотя не слыл холуем, вроде!...
Эх, злоба! Ты – сильнейшая из сил,
Существовавших некогда в природе!

9. ПАМЯТНИК ПЕРВОЙ МАЕВКЕ

В карманах кулаки сжимая,
Текли толпой неудержимой
Под красным флагом Первомая
Все, несогласные с режимом
В лесную сумрачную чащу
Со светлым будущим на встречу,
Где нет ни бедных, ни пропащих.
Но хмур был день и обесцвечен.
Ещё ничто не зеленело
Ни на ветвях, ни под ногами.
Не взялся май пока за дело,
Бродил задумчиво кругами
Совсем неподалёку где-то.
И был ему неинтересен

Весь шумный, бесшабашный этот
Крамольный мир речей и песен.
Бунтарство — дело молодое,
Неблагодарное к тому же.
Но, коль подружишься с бедою —
Тебе закон уже не нужен
И ты на всё имеешь право:
На богохульство и гордыню,
На суд и даже на расправу,
На веки вечные отныне!
Уж что созрело — то созрело,
Не вмиг, а за века и годы,
В замшелой и окаменелой
Душе забитого народа.
И билось в ярости кипучей
Наперекрик пасхальным звонам
О скалы голые и тучи:
«Вставай, проклятьем заклеймённый!»
И замирало сердце сладко,
Как будто завтра и не позже
Наш мир поделят без остатка
На всех рабов, которым тоже
Охота жить не как попало...
Спускались сумерки всё гуще.
А знамя полыхало ало,
Как будто знало о грядущем...

10. КУУСИНЕН

Хмуро небо над Онего.
Глыбой серого гранита
Угрожающе нависло
Над кирпичными домами
И над парками, где кроны
У деревьев облетают.
Волны ёжятся и шепчут
Непонятные молитвы,
Разбегаются и больно
Разбиваются о берег.
Нет спасения на суше,
Нет спасения в пучине.
Рябь ломает и коробит
Серый камень, отражённый
В каждой капле беззащитной.
И глядит куда-то мимо
Неуютного пейзажа
Хитрожопый Куусинен,
С непокрытой головою
Безмятежно полудремлет.
А во сне к нему приходит
Вновь и вновь товарищ Сталин,
И, посасывая трубку,
Усмехается лукаво:
«Ты советами своими

Нас по-крупному подставил!
Мы свои сломали зубы
О Карельский перешеек.
Быть диктатором Суоми
Не судьба тебе, как видно!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.